

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**Читайте остросюжетная драмы
Аллы Холод в серии
«Психология преступления»:**

•

**Рыцарь страха и упрека
Девочка из провинции
Человек без дождя
Персональный демон
Женщина перемен**

АЛЛА
ХОЛОД

Персональный
ДЕМОН

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

Оформление серии *С. Груздева*

Холод, Алла.

Х73 Персональный демон : [роман] / Алла Холод. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Психология преступления. Детективы Аллы Холод).

ISBN 978-5-04-097137-4

Ирина ненавидела беспечную красавицу Лизу – весь мир был у ее ног! Море денег, поездки на лучшие курорты, любящий муж. А как же иначе, если супругом Лизы стал тот самый Вадим Краснов, который ради нее бросил беременную Ирину! Она могла бы ненавидеть всю жизнь, но Вадима убили. Кто? Ирина и ее муж оказались первыми подозреваемыми, ведь на безутешной Ирине женился Андрей, родной брат Краснова. Какие чувства он испытывал к Вадиму? Прошло много лет, но Андрей не мог забыть, как буквально вытаскивал с того света любимую девушку, едва не погибшую после неудачного аборта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК84(2Рос=Рус)6-44

© Холод А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-097137-4

Глава 1

2010 год

Борис Анатольевич Краснов задремал перед телевизором, что случалось с ним крайне редко. Его разбудил пронзительный телефонный звонок. Профессор проснулся, встал, размял затекшие части тела, но после нескольких услышанных им слов его покачнуло, ноги внезапно стали ватными.

Привалившись к спинке дивана, чтобы не упасть, он заставил себя прилечь и закрыть глаза. «Господи, может, это просто сон?» — с надеждой подумал профессор.

Он ведь спал, когда прозвучал этот проклятый звонок, может, он и сейчас продолжает спать? Разве не бывает такого, что старики путают сон с явью? Может, это как раз то самое — один из неумолимых признаков старости?

Раньше чем через полчаса, понимал Борис Анатольевич, Лизе до него не добраться. Как прожить эти полчаса? Мозг, такой трезвый и организованный, просто идеально отлаженный за всю профессиональную жизнь механизм, сейчас наотрез отказывался воспринимать информацию. Такого просто не может быть! Разве это справедливо, чтобы родители переживали своих детей? Борис Анатольевич уже пережил любимую и единственную жену Нину, но они-то с ней все-таки были ровесники... Но раз-

ве правильно, чтобы отец, всю жизнь вдохнувший в любимого сына, хоронил своего ребенка? И пусть этому ребенку уже сорок лет — какая разница?

Вот он, Борис Анатольевич Краснов, доктор юридических наук, профессор, вдовец, лежит на бежевом кожаном диване, купленном сыном Вадимом во время последнего благоустройства квартиры отца, и по его щекам текут слезы. Они затекают в рот, он чувствует их соленый вкус. А рыданий почему-то нет. И тело не сотрясается в судорогах, которые сопровождают настоящее горе. Потому что поверить во все это Борис Анатольевич просто не может. Он лежит и смотрит на часы: если через полчаса не раздастся звонок в дверь и не придет Лиза, жена Вадима, значит, это все-таки сон. Страшный сон, к которым, наверное, нужно привыкать старикам, ожидающим смерти...

Их с Ниночкой первенец, Андрюша, родился не вовремя, они были еще слишком молоды, по-юношески глупы, их переполняла любовь и жажда свободной жизни, у них были идеи, друзья, и вместе с ними они захлеб мечтали стать успешными и знаменитыми. По своей неопытности молодые родители восприняли ребенка как живого пупса, который все время плачет, писает, какает и хочет есть. Андрюша не давал спать, не давал свободно жить, встречаться с друзьями, затормозил Ниночкину карьеру. Да и рос он какой-то странный: ленивый, замкнутый, если не сказать угрюмый. Казалось, что мальчик не нуждался ни в любви, ни в ласке. Хотя ни того, ни другого — справедливости ради сказать — ему никто и не предлагал. Молодые счастливые родители вели свою жизнь, Андрюшу подкидывали бабушкам.

Второго ребенка они очень ждали, ждали осознанно, по-взрослому.

Еще до рождения Вадика Борис Анатольевич знал — этот ребенок будет особенным. Этому ребенку он посвятит свою жизнь.

Вадик получился совсем не такой, как Андрюша. В детстве, если он и гонял во дворе с мальчишками, то сам, без зова родителей, возвращался домой, потому что у него все было по графику: когда гулять, когда читать, когда делать уроки. И никто этих графиков ему не навязывал. В двенадцать лет Вадик уже прилично говорил по-английски, к пятнадцати активно читал юридические книги из библиотеки отца.

Андрей, выросший в семье юристов, после школы безропотно поступил на юридический факультет, учился вроде с интересом, но по оценкам средне, да и в итоге отчебучил: пошел работать в РОВД следователем. Борис Анатольевич какое-то время даже не разговаривал с сыном, а потом подумал: а может, Андрей прав? С его-то скромными способностями и на том спасибо.

Андрей и Вадик даже внешне были такие разные, будто и не братья. Андрей явно пошел в мать: светловолосый, сероглазый. Но блондинка Ниночка была очень хороша собой, все в ней было гармонично: белая кожа, красиво очерченные скулы, серые глаза, точеный носик, неподдельная мушка на правой щеке. Даже в зрелом возрасте она не растеряла свою красоту. Андрей унаследовал черты матери, но то, что хорошо было для женщины, его внешности впрямую не пошло. Он имел крепкую мужскую фигуру, но лицо его было каким-то блеклым, невыразительным, хотя и не лишенным приятности. Совсем другое дело Вадим! Темноволосый, широкоплечий, с мужским, твердым овалом лица. Нос с небольшой горбинкой, красиво очерченный рот, выразительные серые глаза. Породистое лицо в сочетании с

высоким ростом — да уж, Вадик был красив и обаятелен, и тут дело вовсе не в отцовской гордости. Он объективно был прекрасен.

Хотя в своего младшего сына Борис Анатольевич Краснов вливал все свои жизненные силы, Вадик закончил юрфак с красным дипломом не благодаря отцу, а только за счет своих способностей. Он обладал блестящей памятью, аналитическим складом ума, и, что очень важно, умел организовать свое время. На первых порах Борис Анатольевич помогал сыну, как мог, но скоро понял, что сын в его помощи не так уж и нуждается: он блестяще знал Процессуальный кодекс, умел правильно использовать эти знания, и иной раз даже удивлял отца, предлагая решения, которые поражали старшего Краснова свежестью, смелостью и новизной. Неудивительно, что Вадим довольно быстро заработал репутацию. И опять же помогла ему не громкая в юридических кругах города фамилия, а собственные мозги. Вместе с известностью стали приходить и деньги. Борис Анатольевич, посвятивший профессиональную жизнь уголовному праву, не мог нарадоваться на сына, но в какой-то момент Вадим заявил: «Папа, я познакомился с одними людьми, мне кажется, это очень перспективно по деньгам и статусу. Я ухожу из уголовного процесса».

Меньше чем за два года Вадим занял такую должность, что у отца больше не было сомнений: сын знает, что он делает. Вадим стал руководителем юридического департамента крупнейшего в области строительного холдинга. О деньгах, какие он получал, можно было только мечтать. И в очередной раз Борис Анатольевич убедился: да, его второй сын удался... И когда полгода назад новоизбранный мэр города назначил Вадима Краснова своим заместителем по правовым вопросам, отец даже не удивился.

А теперь вот позвонила Лиза и сказала, что соседи нашли Вадима в подъезде с проломленной головой в луже крови. Удар тяжелым предметом. Кто мог его нанести? Да, у Вадика была серьезная работа, но его назначили на должность совсем недавно — еще предвыборные плакаты не успели содрать со стен домов. А кроме работы? У него прекрасная семья, любимая и любящая жена Лиза, своенравная, но все равно чудесная дочь Катя, семья брата Андрея, о которой Вадик заботился и всегда помогал по мере сил, друзья, коллеги. Его все любили. Кто мог желать его смерти?..

Звонок в дверь так и не прозвучал. Лиза открыла дверь своим ключом, который у нее имелся на экстренный случай.

— Папа, давайте соберем все необходимое и поедем к нам, — спокойным голосом предложила она. И Борис Анатольевич начал собираться...

С самого утра в кабинет мэра никого не пускали. И не потому, что там был следователь. Следователь был, да ушел, когда еще не было десяти. Теперь в кабинете мэра был другой посетитель.

Тот, кто находился в кабинете главы города, был для него, безусловно, важнее всех полицейских и следователей, вместе взятых. Эдуард Грач — глава и хозяин крупнейшего в регионе строительного холдинга «Высота» — вылетел из Москвы сразу же, как только узнал о гибели Вадима, своего бывшего руководителя юридического департамента. Причем «бывшего» лишь формально: Вадим, даже находясь на своей должности в мэрии, продолжал работать на Грача. По прилете Эдуард захал к Лизе, убедился, что она в себе, что отец Вадима, Борис Анатольевич, у нее под присмотром, и сразу поехал в мэрию.

И сейчас он сидел не на том стуле, который ему предложили и где остывала чашка чая без сахара, который он пил обычно. Он сел в самом дальнем углу, за стол для совещаний. На стул, на котором, наверное, полагается сидеть самому незначительному персонажу из тех, кого вызвал на совещание мэр.

— Леня, — обратился он к хозяину кабинета, который в это время судорожно комкал бычок в пепельнице, — объясни мне, что происходит. Давай не будем ходить вокруг да около. Ты просил денег на выборы, я дал. Я, в свою очередь, просил у тебя некоторые должности, и ты был не против. Мы продолжаем сотрудничать, и мне казалось, что между нами все просто, понятно и взаимовыгодно.

— Да, Эдик, все правильно, — ответил мэр.

Нешуточное дрожание его рук не укрылось от внимания собеседника.

— Леня, ты перенервничал? Выпей, расслабься, ради бога, чего ты меня стесняешься? Я что, второй день тебя знаю, что ли?

Глава миллионного города вышел из кабинета в комнату отдыха, открыл шкафчик в дубовом гарнитуре, с минуту подумал, что предпочесть с учетом раннего времени и наличия серьезного стресса: виски или коньяк. Остановил свой выбор на коньяке, налил большую рюмку до краев и мгновенно ее выпил. Потом, подумав секунду, взял еще одну, для гостя. Выйдя в кабинет, он налил напиток в две рюмки, одну подвинул Эдуарду, другую выпил сам.

— Полегчало? — без тени улыбки спросил Эдуард. Мэр неуверенно кивнул.

— Я продолжу. — Посетитель опустил глаза в пол. — Так вот объясни мне, Леня, как могло случиться, что начальник моего юрдепартамента, лучший юрист этого вонючего города, человек, который, как

мы договорились, займет после твоей победы эту должность и решит все вопросы моего холдинга... не буду тебе напоминать условия нашего договора. Не буду напоминать и о том, что в проекте развития Северо-Восточного района ты заинтересован лично. Так вот объясни мне теперь, как могло получиться, что через несколько месяцев после вступления в должность этого человека замочили в подьезде, как какого-то бродягу? Это что означает? Может, я чего-то не знаю?

Грач встал, отпихнул стул ногой, медленно прошелся по кабинету, при этом на его майке от Армани явственно проступили следы пота. На лбу тоже повисли капли. Поход к мэру он не считал достаточно важным поводом для того, чтобы облачаться в костюм. Костюмы и галстуки Эдуард Грач надевал только на встречи с банкирами или депутатами Госдумы и исключительно на время этих встреч. Эдуард, талантливейший бизнесмен, который никогда не обманывался в своих проектах и в своих людях, сейчас находился в явном замешательстве. Он был не только страшно расстроен, но и чудовищно раздражен.

— Скажи, Леня, кто мог убить моего человека? Я работал с Вадимом много лет, я проверял его не один раз, передо мной он чист, у него было сто возможностей сходить на сторону, но он ни разу ими не воспользовался. Он был заинтересован в моих прибылях. Меня предать он не мог, ему это просто не выгодно. Значит, он кому-то помешал? Значит, за то время, что он работал у тебя, он приобрел таких врагов, которые пошли на крайние меры? Убить вице-мэра — это не шутки, на такое не каждый решится — должна быть очень и очень веская причина.

— Я не знаю, что тебе сказать, Эдик, я пока сам ничего не понимаю, — вздохнул мэр. — Я буду разбираться.

— Леня, мне будет очень жаль, если ты не сможешь дать ответа на мой вопрос. Мне очень нужно, чтобы ты разобрался. Кому, как не тебе, знать, в чем таком мог участвовать мой Вадим, а если он ни в чем не участвовал, то это я тоже должен знать точно. Если он во что-то влез, я хочу иметь доказательства, подтверждающие его действия. Я не могу мириться с тем, что ключевого для меня человека бьют в подьезде по башке, как какого-то алкаша.

С этими словами Грач вышел из мэрского кабинета, бесшумно закрыв за собой дверь. Рюмка коньяка так и осталась не выпитой.

Леонид Михайлович Вешняков, несколько месяцев назад избранный мэром, стоял, тупо глядя в окно на главную площадь. Будний день, народу на улице полно. Невыносимая жара чуть-чуть спала, но листья на деревьях под окнами здания мэрии из-за непрекращающегося зноя скрючились и пожухли. Какой уютный у него все-таки кабинет! И ходики так мерно тикают. И бонсаи на окне делают рабочее помещение еще милее. Мэр снова пошарил в шкафчике, налил еще одну большую рюмку коньяку, распечатал шоколадную конфетку. Он еще ничего не ел с утра, в желудке бултыхалась только чашка чая с коньяком. Сейчас он выпьет и успокоится... Но как тут успокоиться? Леонид Вешняков действительно не знал, кто убил Вадима Краснова. Но... Неужели это... Нет, даже думать об этом не хочется...

Несколько минут назад в разговоре с Грачом, когда он уверял, что сам ничего не понимает, мэр лукавил. Было у него одно очень серьезное сомнение, настолько серьезное, что думать о нем не хотелось, потому что если это окажется правдой, то и он сам будет впутан в очень и очень неприятную

историю. Вернее, он уже давно в нее впутан, но пока об этом никто не знает. А если узнают? Что тогда? Каковы будут последствия для него самого?

Возглавлять следственно-оперативную группу по делу об убийстве Вадима Краснова назначили Сергея Алексеевича Поповкина, следователя с огромным стажем и богатейшим опытом успешно раскрытых дел. Вначале он побеседовал с братом убитого Андреем: все-таки Андрей сам следователь, и беседа шла на одном языке, тем не менее она оказалась абсолютно непродуктивной. Старший брат Краснова видел Вадима последний раз неделю назад, не имел ни малейшего представления о том, были ли у него проблемы на работе (ни о чем таком Вадим не говорил) и имелись ли недоброжелатели. Андрей был уверен, что Вадим был абсолютно доволен и жизнью, и работой.

Разговор с женой Лизой тоже практически ничего не дал. Жене Вадим никогда не говорил о том, что ему угрожают, никаких подозрительных звонков, никаких внезапных отлучек, подавленного настроения, ничего этого не было. Все было как всегда. И когда «это случилось», они с дочерью были дома: Катя висела в Интернете, Лиза что-то готовила, когда позвонил сосед и сказал, что там, в подъезде, кажется, лежит Вадим... На этом моменте Лиза тихо заплакала, и больше от нее было уже ничего не добиться. Ладно, после похорон ее можно будет допросить поподробнее, сейчас все-таки слишком сказывается шок.

Те же результаты дали разговоры с отцом и Катей, дочерью убитого. Получалось, что Вадим Борисович Краснов — серьезный профессионал, заботливый сын, хороший брат, любящий и любимый

отец и муж. У него была интересная работа, которую он выполнял честно (хотя это еще проверять и проверять), были друзья, его уважали коллеги. Они же утверждают, что он был веселым, беззлобным человеком, требовательным, конечно, но ответственность в полной мере разделял вместе с подчиненными. В общем, портрет получался... что и говорить. Однако вчера вечером, около половины девятого, кто-то ударил этого замечательного человека в висок. Дорогие часы остались на руке, бумажник с 12 тысячами рублей и кредитной картой в портфеле. Нет, определенно Вадим Краснов был не из тех, кого бьют по голове в подъезде. Такие, как он, баловни судьбы не пачкают кровью костюм из новой коллекции Каролины Эрреро. Если уж таким, как он, и суждено умереть насильственной смертью, то они взрываются в своем «Лексусе» или в них стреляет высокооплачиваемый снайпер. И взорванный автомобиль потом показывают по центральным телеканалам, а снайпера судят показательным процессом. Такой человек, как Вадим Краснов, не должен лежать в подъезде с проломленной головой. Такая смерть ему совсем не подходит.

Глава 2

Андрею было десять лет, когда родился младший брат. Тогда он и понял, что его собственная жизнь в семье больше не имеет никакого значения. Нельзя сказать, чтобы родители не любили старшего сына. Нет, любили, конечно. Раз уж он есть, раз уж он существует на свете, раз уж он живет с ними в одной квартире, значит, его нужно хоть как-то любить. Отец всегда был человеком властным, честолюби-

вым, всегда стремился быть во всем лучше других. Он имел обширную адвокатскую практику, получал большие гонорары, кроме того, был ученым: кандидатом, затем и доктором наук, преподавал в университете. Он жил по высокому стандарту и от других требовал соответствовать этому уровню. Мама, Нина Григорьевна, старалась изо всех сил. Она была красивой, стройной, элегантной женщиной, поженились они с отцом, еще будучи студентами-однокурсниками. Она не была столь гениальной, как папа, поэтому отец решил ее не утруждать и позволил заниматься гражданским правом, вести дела спокойные, не требующие больших усилий. Больших усилий он требовал от нее в другом: Нина должна была соответствовать его статусу как жена и как хозяйка дома. Она посещала лучших массажисток, элитные парикмахерские, всегда была идеально причесана, дорого и модно одета. Каждый раз, когда у них собирались коллеги Бориса или гости из числа его клиентов, Нина готовила что-нибудь изысканное.

Андрюша не любил то, что готовила мама к приему гостей, и когда возникала необходимость правильно пользоваться приборами под строгим взглядом отца, у него портилось настроение и начисто пропадал аппетит.

Самым нормальным времяпрепровождением Андрей считал игру с пацанами в футбол. Папа только морщился.

С рождением младшего брата жизнь Андрея изменилась, и поначалу ему казалось, что в лучшую сторону. От него наконец отстали. Его перестали замечать. Отец не докучал больше с постоянными дополнительными заданиями, перестал требовать переводы с английского, не тренировал его больше в разговорном (этого Андрей не любил больше